

ХРИСТИАНСТВО И ПОЛ В ТВОРЧЕСТВЕ В.В.РОЗАНОВА

В данной статье я не ставил перед собой цель дать ответ на те необычайно сложные, подчас совершенно неразрешимые вопросы, которые затрагивает в своих произведениях, связанных с проблемами соотношения христианства и пола, В.В.Розанов. Более того, в ней нет и адекватной интерпретации позиции самого Розанова. Но такую интерпретацию, по-видимому, дать невозможно, да и не нужно. Розанов бы и сам не согласился ни с какой однозначной интерпретацией.

Сознаю, что предлагаемая работа, может быть, слишком "растворена" в материале, и подчас в ней трудно отделить мои утверждения от розановских. Но эту вину я делю с Розановым примерно поровну. Те, кто занимался его творчеством, знают, как невероятно трудно, почти невозможно стряхнуть с себя наваждение, создаваемое его "вязким" стилем, его текучей, ни на мгновение не застывающей мыслью.

Но главное, чем "заразил" меня Розанов в период работы над этим материалом, это стремление отыскать неординарное решение проблемы, которая для большинства является совершенно очевидной и разрешенной. Ведь очень многим (отчасти и самому Розанову) мысль о несовместимости христианского и полового начал представляется почти аксиомой. Именно это в большой степени и побудило меня объединить оба понятия в заглавьи статьи.

Может быть, моя трактовка религиозной эволюции Розанова кому-то покажется слишком рискованной. Но я и не настаиваю на том, что она является единственно возможной (как и всякая трактовка в отношении Розанова). Это скорее одна из гипотез, с помощью которой я пытаюсь поколебать ставший уже традиционным взгляд на Розанова как на злейшего врага христианства.

Для Розанова христианство составляло центральную и в каком-то смысле единственную тему его творчества. Даже произнося хулу на Сына Человеческого, он всегда ощущал, что от решения вопроса об отношении ко Христу зависит ответ на все остальные вопросы. Динамику отношения Розанова к христианству схематично можно описать как эволюцию от ортодоксальной церковности ("Легенда о великом инквизиторе") к открытой враждебности не только в отноше-

нии исторической церкви, но и к самому духу и учению Блаженный-скому. Правда, в конце жизни Розанов отношения это делает какой-то фантастический завиток, разрешаясь, если можно так выразиться, "революционным" обращением к христианству. Я рискну предложить может быть очень грубую, но достаточно наглядную схему религиозного пути Розанова: христианство — христианство и пол — христианство или пол — пол — христианство. Я подозреваю в этой модели присутствие какой-то скрытой закономерности. Предсмертное обращение, как мне кажется, глубоко таинственно готовилось всей предшествовавшей жизнью. Может быть, каким-то совершенно неисповедимым образом именно через обращение к проблематике пола пролегал путь Розанова в христианство. И только в свете этого "венчающего" конца мы можем осмысливать духовную эволюцию Розанова.

Мне кажется, что сам Розанов дает нам прекрасный ключ к раскрытию тайны своего религиозного пути: "Да, есть неволя паче свободы; алмазная; это — неволя добровольная, "своя", возлюбленная, опозитизированная. Но как она достигнута? Немножеству. "Иди, но ты вспомнишь обо мне"; "И ничего от тебя не хочу, но может быть ты сам захочешь". Памятка-то, ниточка-то положена в сердце, и уж она вырастет в шумный дуб, — куда бы вы ни скрылись, куда бы ни забежали. "Намо бегу от Господа". Может быть, это самая полная исповедь Розанова. Ведь по сути дела вся наша схема говорит об этой разматывающейся и натягивающейся ниточке. В начале (в период до обращения к проблемам пола) она была положена в сердце, а потом разматывалась в течение всей жизни, пока, наконец, не натянулась в момент наибольшей удаленности от Того, Кто вложил ее. Розанову как раз и нужно было бежать от Христа, чтобы в конце, почувствовав резкий рывок в сердце, обернуться и воскликнуть: "Намо бегу от Господа!" Можно, конечно, обвинить меня в том, что я мыслю духовный путь Розанова излишне запрограммированным, но в религии всегда особенно явственно ощущается присутствие Промысла Божия, наличествует некая "заданность", разумность. Но разум, действующий в ней, — не разум человеческий. Ведь здесь в предельно обнаженном, структурном виде представлен религиозный путь каждого из нас: разматывание и натягивание ниточки, вложенной в наше сердце Христом (сомнение, удаление, ожидание, прозрение). "Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в не-

видимом" (Евр. II, I). Просто у Розанова это все яснее, явленное, потому что в данном случае мы имеем дело с феноменом религиозной гениальности. Я бы даже употребил в отношении Розанова определение "христианский пророк", если бы такое словосочетание вообще было допустимо. Меня можно обвинить в излишней смелости определений. Но Розанов один из немногих проник в самую суть христианского пророческого духа (который, кстати, сам отрицал), к самому роднику его — предству. Ап. Павел писал, что "слово о кресте для погибающих предство есть", но задача апостольского служения как раз и состоит в том, чтобы "предством проповеди спасти верующих" (I Кор. I; 18, 21). Все писания Розанова проникнуты этим иступленным предством. Сам стиль Розанова — "Христа ради предствующее слово". В отличие от "сорбонны", от ученых теологов, которых он люто ненавидел, Розанов не стал вписывать $\neq$ Христа в круг богословских умопостижений, а как бы повторил его, всем существом своим и творениями своими начертав крест. Мышление Розанова является христианским не по смыслу высказываемых им идей, а по всей своей внутренней организации; оно — крестообразно, точнее — оно распято. "Истина — есть истина лишь потому и постольку, что ее распинают" (Л. Шестов). И проблема пола представляет для него горизонтальную перекладину креста, вертикальной перекладиной которого является устремленность к Богу.

Для того, чтобы хоть как-то оправдать правомочность определения Розанова как человека, наделенного даром пророческим, я хочу провести одну аналогию. Действительно, никому кроме Бога не дано знать, почует ли на ком-то дух пророческий или нет, и только самому обладающему этим даром, "в безумии", Бог открывает это. Так было с ап. Павлом: "...а если кто смеет хвалиться чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я. Они евреи? И я. Израильяне? И я. Христовы служители? (в безумии говорю) Я больше" (II Кор. II; 21-23). Не этим же ли пророческим "безумием" дышат Розановские строки: "Каждая моя строка есть священное писание (не в школьном и не в употребительном смысле), и каждая моя мысль есть священная мысль, и каждое мое слово есть священное слово. — Как вы смеете? — кричит читатель. — Ну, вот и "смею", — смеюсь ему в ответ я". (Уединенное").

"Слияние своей жизни, *fatum*'а, особенно мыслей и, главное, писаний с Божеским "хочу" — было постоянно во мне, с самой юности,

даже с отрочества. И точно весь делался густой, душа делалась густой, мысли совсем приобретали особый строй и "язык сам говорил"... Но я чувствовал, что в "выговариваемом" был такой напор силы ("густого"), что не могли бы стены выдержать, сохраниться учреждения, чужие законы, чужие тоже "убеждения" ("Уединенное")

Но если Розанов действительно был наделен даром "слияния" с Божеским "хочу", то почему же он не проповедывал прямо Христа, а посвятил почти всю свою творческую энергию освящению казалось бы посторонней по отношению ко Христу проблемы — проблемы пола? Мы поймем это, если коснемся кардинальных установок его философии. Всем известно, что Розанов начинал как философ книгой "О понимании". Сам Розанов дал также характеристику этой книги в письме к Голлербаху: "О понимании" пропитано у меня соотношением эфирна и из него вырастающего дерева, а в сущности просто роста, живого роста. "Растет" и конечно".

Зерном, из которого вырастает "многозумное" дерево розановской философии, является идея потенции: "Потенции это незримые, полусуществующие, четвертьсуществующие, сотосуществующие формы (существа) около зримых (реальных). Мир, как он есть, — лишь часть и мимолетная "потенциальная мира", который и есть настоящий предмет полной философии и полной науки. Изучение переходов из потенциального мира в реальный, законов этого перехода, вообще всего, что в стадии перехода проявляется, наполнило мою мысль и воображение. И, словом, мне казалось, что мысль моя обнимет ангелов и торговлю".

"Мысль о потенциальном и ее философском значении не оставляла Розанова всю жизнь" (Э. Голлербах).

И из этого, хотя бы исподволь, косвенно, полусознательно, мы понимаем, что именно проблему пола должен был избрать Розанов для своей необычной проповеди. Ибо что же в христианстве менее высказано, более косвенно и "потенциально", чем пол? А ведь христианство, по Розанову, только и живет за счет косвенного? "Смеем ли мы сказать, что в Евангелии нет косвенного? Гораздо более, чем прямого: и оттого христианство находится в неудержимом росте, как разгибающийся лук". И еще: "Не ясно ли, что в сложении христианства и судьбу его вошли с могущественным влиянием такие факторы, о каких даже упоминания Христос не делал /.../ Иногда кажется, что христианство живет вовсе не теми тезисами, которые

велух произносятся, а теми, каких никогда не выговаривает."

То, что обращение к проблеме пола вытекает из общеполитических установок Розанова, явствует из названия книги, посвященной исключительно этой проблематике — "В мире неясного и нерешенного". Название книги отражает не тему ее, а принцип подхода к теме, собственно, философское кредо Розанова: "косвенное", "потенция", "рост". Именно словами о росте Розанов начинает предисловие к книге: "Тело растет; рост — это тайна; семя раскрывается в о р г а н и з м е, из точки преобразования в многообъемный дуб или многодумного человека: это все, конечно, огромная философия, но вместе нет ли здесь уже и зачатков религии, темного, начинающегося света какой-то не спиритуалистической, но, однако, и непременно религии?"

Рост — это вечное "не то", т.е. вечный переход из "того" в "не то". Поэтому он невыразим в "прямом" слове. Объектом розановского слова является "неясное и нерешенное", вернее, "невнятное" и "неразрешимое". Поэтому слово бежит от предмета. Принявшись интерпретировать Розанова, я, признаться, взялся за почти невыполнимое дело. Но, как говорится, взялся за гуж...

Розанова интересует жизнь, жизнь как таковая — этот "вечный остаток" умоглядной (онтологической) философии и позитивистской (спиритуалистической) религии: "чистый спиритуализм (алгебраизм) получает себе границу в этом темном (не ясном) свете семенно-телесно-кровного", т.е. опять-таки ж и в о г о, ж и з н и. Именно христианство в тех формах, в которых оно сбозначилось в истории, по словам Розанова, противоположно, алгебраично, даже механистично. Оно просто провернуло "по меридиану" небесную сферу на 180°: "Очевидно, что идеал семьи под чертов; и чистейшее отрицание, нуль — только пустующий от семьи, один висится над чертов, один горит какой-то таинственной и, притом, совсем новой "утренней звездой" /.../, другим идеалом, который, впрочем, сам по себе ничего и не содержит, кроме требования "ту звезду — под горизонт! в темь! в отрицание! в небытие!" Т.е. христианство вторглось в мир исключительно как сила отрицающая, отрицательная. Христианство (в истории) — это, собственно, не жизнь, а слово, которое произнесено против жизни ("рассказ, убивающий фалл"). Христианство, будучи насквозь спиритуалистично, стремится уничтожить первую действительность и первую святость в мире реальностей — семя, прежде всего — семя человека, которое ненавистно для него, как "корень реализма — последний грех", "князь мира сего".

"бес", "демон".

Односторонность, предвзятость такой концепции очевидна. Не думаю, что она не была очевидной для Розанова, человека с колоссальной религиозной интуицией, среди друзей которого были такие крупнейшие богословы, как Флоренский и Булгаков. Но в том-то и дело, что Розанов сознательно противопоставлял себя очевидности. (Метод своего рода "апофатического философствования" - аналог православной апофатики). Но негативация в отношении логической очевидности нужна была ему главным образом для того, чтобы утвердить "очевидность" алогичную, иррациональную, зыбкую, которая наиболее адекватно воплощается в такой текучей и зыбкой стихии, как пол. Я хочу еще раз сделать акцент на том, что не столько "матушка-натура" (хотя и без нее здесь, естественно, не обошлось), сколько философски-психологические установки побудили Розанова посвятить себя проблеме пола. Современников возмущало то, что Розанов, как он сам выражается, "растер между пальцев" и "поднес им к носу" то, от чего они привыкли брезгливо отворачиваться. Но Розанов делал это с параноической настойчивостью; и не в силу каких-то скрытых сексуальных комплексов (хотя, возможно, они и были), а для того, чтобы заставить людей пристальной вглядеться в то, что составляет один из главных рычагов их бытия. То, что мы не решаемся прямо взглянуть в лицо пола, вовсе не свидетельствует о нашей нравственности, а лишь приводит к тому, что мы всю жизнь "подглядываем".

Конечно, Розановым в его ориентации на проблематику пола руководил не только философский интерес, но также и сострадание, любовь. Он видел распад семьи, грязь, цинизм, проституцию. И он призывал молитву как раз туда, откуда вылетали эти "чудовищные гарпии". А его обвиняли в том, что им движет "дух прелебедения". Отвечая на это, Розанов писал, что он "как бы взял священную бороду, - начал отирать ею точку всеобщего тысячелетнего плевания, столь важную вместе точку! Погибни мое имя, но воскресни вещь!". Но всякий ли мог различить механизм моего действия, и тонкое "не то", что я делал - отделить от кажущегося лобострастия, которое обычно делается. Здесь именно то же незаметное с виду, но колоссальное по существу различие, которое лежит между "святым браком" и "преступным развратом".

Но его продолжали обвинять в прилизе и безнравственности. И тогда Розанов поступил так же, как, по его словам, поступил Л. Толстой в "Крейцеровой сонате". Толстой, пишет Розанов, все время говорил о святине брака, и, когда его проповедь отринули, "показал нос и кровь". Розанов "показал" фалл и семя в качестве аналога тому, что "показал" Толстой. Розанов действительно делал это в своих работах, но не из эксгибиционистских побуждений. А ведь именно в этом его подозревали и подозревают. Упорство, с которым он "растирает и растирает" самые интимные подробности половой сферы, воистину почти маниакально. Но это не упорство сексуального маньяка, а трагически-самоотверженное упорство пророка, стремящегося, хотя бы ценой собственной гибели и позора, удержать людей на краю пропасти. В наибольшей степени эта пророческая одержимость выразилась в "Людях лунного света", и других, более поздних, сочинениях Розанова. В книге же "В мире неясного и нерешенного" его голос звучит еще в пределах обычного человеческого диапазона.

В разделе этой книги, озаглавленной "Пolemические материалы" Розанов сочувственно цитирует строки письма одного из своих корреспондентов, утверждающего, что грехопадение не могло быть в том, что Адам и Ева соединились (двое - они были одно существо с самого начала), напротив, они после грехопадения "раз-единились". Мысль Розанову близкая, но для него слишком сухо академическая. Розанов, конечно, пошел дальше, углубившись в сугубо половой аспект этой проблемы. Правда, начинает он как бы в развитии мысли своего корреспондента: "Грехопадение (3-я глава) открывается после, а заповедь размножения, характерное ощущение Адамом в Еве жены себе и, наконец, полная мысль брака (ст.25) не только р а н е е, до падения, даны человеку, но и вне предвидения этого падения, совершившегося, как мы знаем и как учит Церковь, по свободной воле человека". Розанов видит в грехопадении не просто мистический, ноуменальный, но все же бесконечно удаленный от нас факт, а событие, актуализирующееся в каждом индивидуальном существовании. Первородный грех реализуется в каждом из нас в форме "различения "доброе" и "лукавого" в поле и наиболее полно сущность его может быть выражена словом стыд. "С т ы д и г р е х - идентичны;

первый есть кокура второго, "стыдливый" румянец на "яблоке греха". Эта идея практически "калькирует" мысль ап. Павла: "Где нет закона, нет и преступления" (Рим. 4, 15). (Где нет стыда /т.е. в браке), нет и греха). Розанов как бы проецирует христианскую "этику преображения" в половую сферу. Грех в поле чисто негативен, он не присущ ему органически и состоит исключительно в потере ощущения святости в нем: "что-то затмилось в его истине, что-то показалося, померещилось в нем, как фантом. Может быть, мы удалились, отделились от него, и стали вместе ядны, сладострастны к нему".

Как же по Розанову может быть искуплен первородный грех? Сказывается, только посредством брака: "великая тайна брака" лежит в том, что "надлом" пола, совершающийся в секунду грехопадения, ... "в браке исправляется /.../ В направлении именно к мужу у жены и у мужа к жене "одежда из листьев" спадает: но стыда не появляетея! Главный симптом падения (в Библии - единственный!) - и с ч е з!"

Но мы с вами, естественно, возразим: а зачем же тогда Христос и Его искупительная жертва? Неужели для снятия проклятия с человека достаточно "бесстыдного" обнажения в браке? Но для Розанова искупление и брак онтологически неразделимы. В ядре, в неуменальной глубине брака заключен Христос. Брак потому является путем искупления, что именно "брачный союз" (символика половой близости встречается как в Ветхом, так и в Новом завете) Христа и мира воссоединил его распавшиеся части, "соделал из двух одно". И, в стогом смысле слова, вне Христа не может быть б р а к а, т.е. святости в половом соединении, полного слияния двоих "в плоть одну".

По Розанову, половое соединение не только не запрещено, но является важнейшей формой служения Богу, угождения Ему. Человек четко очерчен во всем, кроме пола, где он как бы завершается "многоточием". И вот в соединении многоточия своего пола с многоточием пола противоположного, человек как бы сливает их "в точку", завершая этим акт божественного итворения. В кульминационный момент полового акта человек обретает Бога. Можно сопоставить такую точку зрения с позицией Бердяева, Тернавцева и др., утверждавших, что на дне полового соединения - смерть и убийство.

Я хотел бы сделать небольшое отступление, чтобы сформулировать гипотезу, объединяющую, как мне кажется, оба этих суждения. По мнению некоторых мистиков (в частности, Я.Бёме), Эмий склонил Еву к половому акту с собой. Розанов такую концепцию грехопадения, по-видимому, не одобрил бы. Он все время настаивал на том, что нет никакого расслоения в поле, что он весь целомудрен, ноуменален, свят, что грех в нем состоит лишь в отрицательном отношении к нему. Но мне думается, что пол принял в себя онтологический "минус" в соприкосновении (пусть и не прямо через половое единение ^{Ебл} с сатаной) с онтологическим злом, так что он не только Божественен, но и демоничен. Розанов не видел "онтологической трещины" в поле. Грехопадение, как писал Я.Бёме, следствие "дурного воображения". Произошла внутренняя поляризация, расщепление полового сознания, ставшего враждебным по отношению к себе. Дело в том, что сатана сумел возбудить в Еве похоть к смерти, не стремление к наслаждению или удовлетворению плоского желания (в этом еще нет греха), а именно стремление быть уничтоженной: ведь дьявол — персонафицированное **н и ч т о**. Сатана навсегда внес в сексуальное чувство тоску по уничтожению, садо-мазохистскую устремленность. Слепой секс, *sexus incognitus*, меняющий постоянно объекты, и есть выражение этой демонической тоски. Так сатана вложил "жадо в пол". И всякий "анонимный" половой акт есть репродуцирование "первородного секса", грехопадения.

Сатана хитер, он знал, что человека нельзя уничтожить иначе, как вложив в него склонность к самоубийству, ибо наряду с даром бессмертия человек был также наделен от Бога свободной волей. То, что мы называем "животным" в поле, на самом деле "демоническое". Животное не знает нашего падения, так же, как и нашей святости. Подлинно животное (или "слишком человеческое") — это половой позитивизм: "поел и отвалился". Но уж лучше тогда демоническое, ибо в нем все-таки что-то религиозное.

Таким образом, пол расколот. Но Розанов не видит этого. Он просто был лишен темных движений в поле. Может быть, причина соблазнительности писаний Розанова в какой-то его природной

невинности. Он просто не понимал греха в поле. Я верю, что Розанов искренне воспринял и органы воспроизведения как "манифестацию целомудрия". А ведь, как известно, "Нет ничего в себе самом нечистого, только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто" (Рим. 14, 14). И, как ни странно, эта мысль ап. Павла тоже почти буквально воспроизводится Розановым в применении к полу: "Лично я (даже в юности) никогда не полагал половой акт нечистым, и никогда не был развратен. Но я наблюдал, что чем отрицательнее смотрит человек на половой акт - тем он становится развратнее, как-то грязнее, свинствует в половом общении и вообще в воззрении на женщин и обращении с ними. И тут - Бог сменяется Валиаром в т о й ж е т о ч к е". (Может быть, Розанов иначе стал бы относиться к ап. Павлу, если бы дал себе труд вместо того, чтобы огульно поносить его за отрицание закона, внимательно прочесть его "Послания"). Розанов убежден (и в этом он несколько не противоречит христианству), что считать совокупление, "заложение зерна жизни в будущую мать", чем-то непристойным - "сатанизм". Где же корни этого демонического отношения к полу? Розанов отвечает: в спиритуализме, в отрицании плоти. В статье "Иродова легенда" он пишет: "тут не в одних фактически избиваемых младенцах дело... дело во внутреннем и субъективном "избении" самого существа младенца каждым в себе, в некотором перестроении духа человеческого, когда он порывает связь с жизненными недрами своими, с теплом в себе "животностью", и ригорически и сухо начинает расти только в "небесное училище", мы подозреваем - в небесный номинализм".

По мнению Розанова, ошибочно "принятое в догматы" гностициски-манихейское противопоставление духа и плоти - едва заметная трещинка, по которой разошлась и в которую обрушилась Европа, "горчичное зерно" расторгнутого духа и плоти выросло, можно сказать, в целое дерево западной цивилизации". Именно из этого "расторжения" произошла инквизиция, противопоставление клира и мирян и т.п. С точки зрения Розанова, современный ему западный мир полностью утратил чувство одуховленной животности. (... "Многоочитая" плоть, "исполненная внутренних очей" - о, если бы это тайновидение Иезекииля было постигнуто"...). Именно это и привело к тому, что весь Запад "в практике жизни разошелся с христианством".

В этом смысле очень интересна характеристика Розановым протестантизма: "Лютер ... вовсе выдвинул брак из тайств, взглянув на него, как на нужную физиологию. Все протестантские страны от этого пошли "в мясное"... В протестанте, типично и характерно выраженном, мы видим просто разросшееся мясо, разросшееся до "Синтетической философии" Спенсера, до "*Origine of Man*" Дарвина: неустанно ядущее, стреляющее из пушек, читающее "*Erzkönig*" и задающее его сосиской... "Святое животное", где ты, многоочинная плоть?" (Аналогично Розанов оценивает влияние на мир одностороннего спиритуализма в "Апокалипсисе нашего времени": "Тайнственным образом христианство начало обходиться "пустышками". На вопрос о земке и дуне оно ответило "кубами расстояний", на вопрос о гусенице, куколде и мотыльке оно ответило еще хуже: что так бывает").

Розанов очень четко выявил механизм перерождения христиански-ориентированного секуляризованного сознания: отторжение плоти от духа, вытеснение телесного духовным, трансформация духовного в рассудочное, поглощение рассудочного демоническим. В этот период он, определяя христианство подлинное, несколько не отклонялся от православной точки зрения: "В том, что "небесное смешалось с земным", в порядке не "логического воплощения", хотя воплотилось именно "слово" (Логос) - и есть тайна и суть христианства; в слиянии вечного "Логоса" с плотью"... (В дальнейшем Розанов начнет обвинять в спиритуальности самого Христа).

В истории западного мира гишение плотью, "операция духооскопления" привели к цинизму и преступному легкомыслию в половой сфере: "Веселые песенки Беранже заиграли около темного Капиталистического католицизма.

Шатаюсь по ночам
Да тратясь на девчонок,
Он, кажется, к долгам
Привык уже с пеленок..."

Что же может быть противопоставлено этой эпидемии половой разнузданности? Ответ Розанова состоит в том, что спасение - от Востока, который всегда был животен, "не в физиологическом, но в мистико-религиозном смысле". Интуиция божественности земного, присущая Востоку, и подготовила пришествие Христа. Возможность

преображения предполагает исконную божественность материального мира. Только при этом условии могло произойти воплощение, "смещение Божеского и человеческого, соединение небесного и земного".

И эта "миродержащая тайна" находит наиболее полное воплощение в браке, в котором осуществляется "сочетание всего в мире". Трансцендентность полового акта подтверждается его непринудительностью, отличающей его от "других функциональных потребностей" качеством свободы: "К половому сближению человек не понуждается, а манится (заповедь, поэзия, волшебство)". Именно в силу этой свободы в поле особенно ясно ощущается дыхание Божьего Духа. Только такое отношение к соитию, как к чему-то святому, заповеданному, религиозному, может привести к возникновению религиозной семьи. Напротив, как только мы допустим минимально-отрицательное отношение к полу, то получим степени проституции, упорядоченной в семье или беспорядочной вне семьи, но, в том и в другом случае, только проституции.

Но "смешиваемость" пола и божества в браке возможна лишь потому, что "религия имеет что-либо в себе половое", пол же в свою очередь "теитизируется". "Без этого "камня" связуемости, — пишет Розанов, — и даже неразделимости пола и религии невозможен вовсе "брак", и осталась бы грубая физиология, которую никак не возведешь в таинство: грязно-холодная, бессмысленно—"не-нужная" и непонятно—"неизбежная". Т.е. для преобразования физиологии в брак необходимо присутствие в поле некоей исконной религиозности. (Так же как для таинства Евхаристии необходимо присутствие какой-то божественности в хлебе и вине. Как и Христос не мог бы воплотиться, если бы исконно не была "Господня земля и все, что наполняет ее" (Ис.23,1). Эта тайна слияния физиологии и религии и есть нечто иное, как тайна боговоплощения. ("Это-то "т е л о" (Тело Христа - Е.П.), плод земной Матери, и особенно важно, "спасительно", даже спасительнее Его слов для людей"). Т.е. брак является как бы живой метафорой боговоплощения и только в этом качестве обретает свой истинный смысл.

Так в идеале, но совсем не так в исторической практике христианства. Розанов писал: "...так называемый церковный развод?!.. Даже непонятно, что же именно сторожится, стережется церковью, когда уже брака в его реальном содержании — нет?!" Тут Роза-

нов коснулся очень болезненного и, по-видимому, совершенно неразрешимого для человеческого разума вопроса. Действительно, Христос заповедал нерасторжимость брака. Но можно ли считать браком всякое сожителство мужчины и женщины, даже благословленное церковью и санкционированное государством? — "Золото брака, его вес и ценность — в плетении, в переплетении, т.е. в том, что лежит за венчанием, после венчания, иными словами, а последнему принадлежит только взвешивание, определение, прописание цены".

Розанов, конечно, недооценивал мистическое значение таинства брака, но разве кто-нибудь откажется настаивать на том, что венчаный брак абсолютно несокрушим? Скажу более того: опыт показывает, что вообще всякий брак в секуляризованном обществе куда более уязвим и менее устойчив, чем внебрачный союз. Розанов писал по этому поводу: "Поразительно, что нелегальные семьи никогда почти не распадаются, именно потому, что в праве ежесекундно распасться". И в этом — печальная и загадочная логика человеческого бытия: мы покинем даже того, кого любим, если нас будут принуждать оставаться с ним. Попробуем присмотреться к этому факту спокойно и без предвзятости.

Непосредственному взгляду открывается, что допущение брака при запрете развода таит в себе несомненное коварство. Ибо такой брак тяжелее вынести, чем безбрачие. Результатом такого брака (за крайне редкими исключениями) могут быть только "скорби по плоти", говоря словами ап. Павла (в первую очередь, скорби душевные). И ап. Павел имел все основания сказать желающим вступить в брак: "...Мне вас жаль" (I Кор. 7, 28). Дело не в том, что полное воздержание в половой сфере моральнее христианского брака (может быть, даже наоборот), а в том, что оно легче. Недаром "евангельские вопрошатели" восклицают после слов Христа о нерасторжимости брака: "Лучше не жениться!" На что Христос отвечает: "Могий вместить, да вместит" (Матф. 19, 10-11). Эти слова обычно трактуются как окончательно закрепляющие запрет, налагаемый на развод Христом. Но совсем другой (и, мне кажется, более глубокий) смысл открывается в этих словах Розанову: "Возжажди ты: и если вмещаешь — вмести", но именно ты, возжаждавший. Но закон свободы, перемены

на закон повиновения... мы принудили человечество к вмещению". "Тонкое" различие христианской морали от всякой иной состоит в том, чтобы человек сам "возжадал вмещить", а не был "понуждаем вмещить". И только этим узким потоком христианство вливается в мир. Без добровольности принятия просто нет христианства. Для христианства, выражаясь несколько светским языком, характерны самые высокие моральные требования в сочетании с самой предельной гибкостью в их применении. Ни малейшего занижения идеала и абсолютное снисхождение к немощи: антиномия, находящая разрешение в любви.

Принудительное же запрещение развода (многоженства) лишь усугубляет половую разнузданность и проституцию, на чем непрестанно делает акцент Розанов.

Из всего этого, по-моему, наглядно вытекает, что не любовь к позору, а любовь к ближнему, рожу сказать: христианская любовь, побуждала Розанова к столь пристальному всматриванию в половую сферу. Но совместима ли христианская любовь с антихристианскими декларациями? Эта проблема остро встает перед нами при рассмотрении более поздних произведений Розанова, в частности, такой загадочной книги, как "Люди лунного света".

Каждого, кто знаком с этой книгой, поражала, видимо, какая-то нарочитая ее кощунственность, установка на кощунство. Розанов демонстративно глумится над самыми святыми чувствами христиан. Именно эта нарочитость, навязчивость, "размазывание" и настаивает, заставляет думать, что Розанов стремится не доказывать правоту своих утверждений, а "показать" (вспомним интерпретацию им "Арцейеровой сонаты"), какая реакция может быть спровоцирована односторонне-спиритуалистическим пониманием христианства.

Если Розанова по традиции сравнивают с Ницше, то я хочу наметить еще одну не менее допустимую аналогию — Фрейд. Розанов также, как и Фрейд, указывал на возможность физиологической интерпретации христианской "духовности". Сейчас очень многие, как богословы, так и психоаналитики, склоняются к мысли о благотворном, очистительном влиянии фрейдизма на христианское сознание. (Можно обратиться к дискуссии "Фрейд и Иисус" в I-м номере журнала "Символ"). Но если такой подход допустим к Фрейду, который декларировал свой атеизм, то уж, конечно, допустим и к Розанову, который атеистом никогда не был.

В книге "Люди лунного света" Розанов прежде всего подвергает христианство "исторической редукции", возводя его не к религии иудеев, а к спиритуалистическим культам древности (поклонение Молоху, Астарте и т.д.). Розанов видит в христианстве черты, роднящие его с культом богини Луны, с культом идеального и мечтательного, ведущего к монашескому уединению, а не с солнечным, плодоносящим, супружеским культом Ихве, религии мистически переживаемой плоти. ("Аз и Отец не одно"). Розанов утверждает, что древние евреи, уклоняясь в язычество, "впадали в аскезу", и только тогда, а не когда сохраняли верность своему Богу, могли поститься и молиться "по примеру Филарета Московского или в предтечу Филарету Московскому".

Таким образом, с точки зрения Розанова, служение Богу чуть ли не исчерпывается подчинением "закону чацородия", исполнением заповеди, данной прародителям в Раю: "Плодитесь и размножайтесь". Я думаю, что едва ли можно заподозрить Розанова в таком простодушии или некомпетентности, которые бы заставили его забыть о существовании еще 10 заповедей, которым должны были следовать правоверные иудеи. Тут мы сталкиваемся с явной, причем осознанной, подтасовкой. Розанов и не скрывал, что он часто "лгал" в своих сочинениях, лгал вполне сознательно и, на чем я особенно настаиваю, вполне и с к р е н и е: "Удивительно, как я удевался с ложью. Она никогда не мучила меня" ("Уединенное"). Ложь и не могла мучать Розанова, ибо он только что не помещал ее в специальную рубрику "Л о ж ь". Он лгал с подчеркнутой откровенностью. "Ложь" применялась Розановым не для выгоды, и даже не для удовольствия поморочить читателей, а прежде всего как полемический прием, как своего рода "смысловой троп". Он лгал именно там, где всего вероятнее мог быть уловлен. Не следует забывать, что Розанов был историком по образованию и философом по роду занятий ("О понимании", перевод книги об Аристотеле); и тогда станет ясно, что "нелепость" и "дезинформация" зачастую использовались им как прием. В данной книге Розанов, почувствовав опасность, которую таит в себе отрицание тела в исторически сложившихся формах христианства, поднимает против этого отрицания настоятельный бунт, до предела выдвигая плотское, половое начало.

В своей оппозиции христианскому спиритуализму он не останавливается даже перед тем, чтобы обвинить духовное в скрыто-сексуальном. И, надо сказать, подобного рода выпады не всегда были мимо цели. Мы знаем, как часто под личиной "духовности" скрываются вполне физические, органические, "природные" явления: "Во всех фактах, которые мы привели...мы имеем... отращение к совокуплению, т.е. к соединению своего детородного органа с дополняющим его детородным органом другого пола. "Не хочу! Не хочу! - крик самой природы, вот что лежит в основе всех этих, казалось бы, столь противоприродных, религиозных явлений". Да, таких явлений в христианстве немало. Но я очень сомневался в том, что Розанов действительно верил, что только ими и определяется сущность христианской религии. А ведь именно он это и утверждал: "...только как в половом месте вы поставили значущую величину, все равно, единицу или дробь...вы отвергли, ниспровергли Евангелие и христианизм. Самая его суть и есть "+0" пола. В этом не что-нибудь его, а все оно". Мне кажется, что в данном отрывке мы как раз сталкиваемся с использованием "лжи" в качестве литературно-публицистического приема.

Розанов справедливо вопрошает: почему проповедь воздержания и преимуществ уклонения от половой жизни сочетается у христианских народов с грязью в поле, со "свинством (способ веселиться у христиан)". Ведь едва ли для кого-нибудь секрет, что подавляющее большинство представителей цивилизации, почти за 2000 лет являющейся объектом христианской проповеди, видят проблему не в том, чтобы воздерживаться от половой страсти, а в том, чтобы ее удовлетворить. Розанов склонен обвинять в этом не "представителей", а "проблему", вернее тех, кто ее инспирировал - в первую очередь духовенство, монашество. Насильственно внедряемая идея полового воздержания приводит к прямо противоположным результатам, к возбуждению половой страсти, причем в самых низменных и грязных формах. Оградой чистоты в поле должен быть не запрет, а любовь. Тем более, что она совершенно бессильна поменать исполнять "желаемые совокупления" тем, "кто их желает". В силу "неизблемости" своей природы мораль бессильна проникнуть в "зыбкую" сущность совокуплений. Розанов сравнивает пол с океаном, движения в котором определяются такими мощными колебаниями глубин, "вековыми течениями" и "водоротами", что невозможно даже помыслить о том, чтобы воздействовать на эти движения. Остается лишь

смириться перед величием этого океана и благоговейно наблюдать за волнением его. — "Здесь все принадлежит наблюдению и ничто исправлению". Конечно, такое пренебрежение моралью может вызвать возражение: ведь нравственные требования освящаются божественным авторитетом. Но и половое влечение имеет высшую санкцию: "К муку твоему влечение твое" (Быт.3,16). А ведь слово Божие непреложно, оно, как писал по новоду приведенного места Розанов, "гнет дубы".

Но не только прямым божественным глаголом оправдано половое притяжение между людьми. Розанов затрагивает также мистический аспект этой проблемы: "Но навсегда останется тайною, отчего же при универсальном "плодитесь и размножайтесь", данном в с е й природе, один человек был создан в единичном лице Адама!.. Адам, "по образу и подобию Божию созданный", был в скрытой полноте своей Адамо-Евою, и самцом (*in potentia*) самкою"... Именно соединение двух полов в одно в первородном Адаме делает совокупление человека, в отличие от совокупления животного, религиозным. И религиозным является именно эти "половые прикосновения", а не окружающий их "розовый пар" — роман. Уникальность половых переживаний человека в том, что он стремится к воссоединению в "древнюю Адамо-Еву", не духовному, только, но реальному, к "самцово-самочности" в себе. У животных половая функция имеет цель чисто утилитарную — продолжение рода, у людей эта цель соединяется с другой целью: восстановления утраченной с в я з и (*religio*). Именно о таком половом сближении рассказывает Розанов в одном из писем Голлербаху. Он пишет о том, что совокупился с девушкой, видевшей его только один раз и отдавшей ему "на почве одного лишь безграничного его к женщинам уважения". — "Она меня стала ласкать, а потом и совокупилась, когда "он встал". Не чудо ли это, не сущее ли чудо? Чудо близости какой-то неумеренной /.../ Между тем "все наши наслаждения" сводились (Н-р-б) "половые прикосновения". Ни-любви, ни-объяснений. И вместе: и любовь, и нежность".

Но Розанов не только провозглашает самостоятельную ценность чисто половых отношений, но идет дальше, утверждая, что пол в человеке есть не что иное, как его душа, а половой орган — лицо. "Есть какое-то тайное, невыразимое не только соотношение, но и полное тождество между типичными качествами у обоих полов или половых лиц (детородных органов) с их душой в е е и д е а л ь н о м

з а в е р ш е н и и. И слово о "слиянии душ" в браке, т.е. в половом акте, верно до потрясающей глубины". По Розанову, предикаты "мужской души в идеале": твердость, прямота, крепость, напористость, стремление к преодолению преград есть ничто иное, как "фотография" мужского детородного органа. Идеал женской души, напротив, включает в себя "нежность, мягкость, податливость, уступчивость". - "Но это только название качеств ее детородного органа". И далее Розанов пишет: "Каковы души, таковы и органы! от этого-то в сущности космогонического сложения (не земного только) они и являются из всего одни плодородными, потомственными, сотворят и далее в бесконечность, "по образу и подобию своему..." Душа - от души; как искра - от пламени: вот деторождение! В сущности, чем это хуже дарвинистской теории? Дарвин, наблюдая примитивные племена, пришел к выводу, что человек произошел от обезьяны. Розанов же, вглядываясь в органы воспроизведения, заключил, что человек произошел от них, именно не посредством их, а от них. Во всяком случае, у Розанова для его вывода были не менее глубокие метафизические основания, чем у Дарвина для своего. (Меня бы не удивило, даже если бы это было вполне осознанное пародирование столь ненавистной Розанову позитивистской теории Дарвина)

Требование Розанова - требование "реализма" в религии ("чреда - это реальность"). "Сексуализация религии" и есть ее реализация ("Христианство должно хотя бы отчасти стать фаллическим" ("Уединенное"). Религия всегда не одно и не другое (идеализм-материализм), а третье (реализм). В русской религиозной философии для определения специфики религиозного мышления утвердилось наименование "конкретного идеализма". Именно этот метод разрабатывал в своем творчестве друг Розанова П.Флоренский. И Розанов подчеркивал близость своего метода характеру богословского мышления Флоренского. Обращаясь к евреям, Розанов писал: "Благородную и великую нацию еврейскую я мысленно благословляю и прошу у нее прощения за все мои прегрешения, и никогда ничего дурного ей не желаю и считаю первой в свете по значению. Главным образом за лоно Авраамово, в том смысле, как мы объяснили его с отцом Павлом Флоренским". Конечно же, речь идет здесь об "еретическом богословствовании", как определил метод о. Павла Бердяев.

Но если "чресла" вносятся в религию, то и религия, естественно, проникает в чресла, т.е. сам по себе половой акт становится святыней. Отсюда - явление, которое древние египтяне называли *sancta prostitute*: "Есть ведь всемирные педагоги, - ну, в желаниях, ну - в поэзии; есть всемирные воины, как древнейшие скандинавы; всемирные мудрецы - Сократ, Спиноза: как же не быть, естественно, кому-то и "всемирной женой", всемирной "невестой"... Из такой-то врожденной девочки-девушки-женщины как бы истекают потоки жизни, и ей мерещится, "будто я всех родила", "все родила".

Розанов показывает, что представители христианской цивилизации, гнушась полом, вносят проституцию в святая святых своего бытия - семью. Египтяне же в своей чистоте восприятия пола поднимаются до провидения святости, "космической брачности" в женщине, которая отдает себя всем.

Пока это еще вполне корректные выпады, попытка ревизовать некоторые воззрения на пол, сложившиеся в процессе исторического развития христианства. Но Розанов изменил бы себе, если бы остановился на этом. Ему нужно показать, что выйдет, если затравленная плоть взбунтуется против духа. И он наносит христианству самый коварный и страшный удар. Он пишет о последователях Христа: "Эти дванды, эти пассивные одиночки до такой степени есть начинающиеся праведники, линии начинающейся христианской праведности, такой особенной, такой типичной, с кроткими глазами, с опущенными руками, с тихим взором, взором - длинным, задумчивым, что невозможно усомниться в том, что задолго до христианства в них началось христианство". Т.е., не сексуальная пассивность есть следствие веры в Христа, а, напротив, асексуальность - источник христианской "праведности", проповеди тотального воздержания, веры в "бессеменное зачатие", в это "дванды два пять пола", без согласия признать которое вообще нет христианства." Разве за этим не пробивается еще один голос, как бы кричащий: "Вы объявили половое греховным. А знаете ли вы, что ваше святое есть ни что иное, как "странно тонко-физическое": "+0" пола?"

Вот что пишет Розанов о происхождении христианства: "Между тем, это редкое явление, но совершенно естественное в текущем поле, явление $\pm$ пелового вожденя, оно-то и лежит малым горчичным зерном, из которого выросло дерево, затенившее ветвями своими целую землю, и от плодов которого питаются все народы". Тут, конечно, - сардоническая ухмылка: вы "духовно питаетесь" от дерева, выросшего исключительно из материального семени, вы подтачиваете корни поля, который дает пищу вашей святости. Розанов с методичностью маньяка против каждого "+" христианства ставит "-" ("здесь выпуклость - там впадина"): "... в содержании своем и безотносительно к глупости, - аскетизм есть не только грех, но до некоторой степени весь грех, полный грех"...

По мнению Розанова, позитивизм есть необходимая изнанка спиритуализма, на котором монастырски-ориентированные течения внутри христианства делали неоправданно сильный акцент. Любое выдвижение одной стороны христианского сознания за счет другой грозит разрушить это сознание. Всякое отступление от целого - тела - христианства приводит к уродливому искажению и даже трагическому рассечению этого тела. Выступая против "гностических и манихейских" тенденций в современном ему православии, Розанов тем самым противостоял явлениям разрушительным для церкви. Это не исключает того, что сам он, временами, с полной искренностью верил в то, что стремится к противоположному: патетика собственных рассуждений захватывала его. Скажем, вот в таких фразах, конечно, больше пафоса, чем логики: "...вся духовная литература течет от этого источника, ему одному обязана своим происхождением; и, словом, "суть духовного" - есть в то же время "суть содомского". Человек, который действительно пребывает в спокойной уверенности по отношению к чему-то, никогда бы не позволил себе так "перегибать палку".

И уж, конечно, Розанов не мог упустить случая, чтобы в вопросе о грехопадении не высказать идеи диаметрально противоположной "убеждению, распространенному в монастырях" о том, что "Змий нашептывал Еве плотики привлечь Адама к соединению с собой: "Все, что в отношении к полу мог нашептывать Змий, то вот такое двоящееся: "не плодитесь, не множьте, но живите как ангелы на небесах - любя друг друга девственной любовью". (От-

кровенное ерничество!?) И именно это наущение дьявольское было "взято" в Евангелие: "Евангелие тем именно ни на какую книгу не походит, что оно, будучи человеком, в то же время не есть ни мужское, ни женское. Уже слова Евангелия все суть до единого "как Ангелы на небеси"...

Свой последний проливный выкрик" Розанов бросает прямо в Лик, в иконописные изображения Христа: "Но откуда же живописцы взяли свой наклон? Да из слова! Они линиями разъяснили то, что казалось невероятным и неправдоподобным в рассказе... и они утвердили рассказы вместе догмат. "Отца вовсе нет, и в сына могли перейти единственно черты матери-девы".

Вот оказывается в чем суть "метафизики" христианской: в аномальной природе Основателя религии. Он был "содомит", обладатель + полового влечения. В сочетании с таким выводом само слово "метафизика" не воспринимается ли как патетическое ерничество?

Лапидарность, массивность, односторонненность мысли - все эти столь характерные для разбираемой книги черты, абсолютно не свойственны розановскому творчеству в целом. Но именно это и настораживает. Когда мы сталкиваемся у Розанова с чем-то слишком "прямым", смеем ли мы сказать, что оно не таит в себе "косвенного"? Может быть, такое отрицание Христа имеет корнями своими какое-то (пусть не осознаваемое) Его утверждение? И все же мне возразят: "Мишенью для розановских нападков служил все-таки Христос". Тогда я спрошу: "А откуда вы это знаете? - "Но ведь сам Розанов утверждал это". - "А-а, - скажу я, - сам Розанов..." Да, Розанов утверждал это. Причем утверждал в совершенно категорической форме. В одном из писем к Голлербаху мы находим такие строки: "Христианство может быть только разрушено. Это - система мысли и спасения христианству нет никакого. Затем в печати я уже только хитрил, хитрил много, ради цензуры и глухих читателей. Но во мне самом оно было совершенно разрушено, до основания, до песчинок".

Ну вот, кажется, и сказано последнее слово и уже нечего добавить, изменить. Розанов сам признается, что если и выступал с позиций христианства, то разве что из хитрости, притворства. Какая уж тут проповедь Христа?!

Все это так, если мы действительно на слово поверим Розанову, что он говорит именно о христианстве, а не о чем-то совсем ином, но усвоившим себе название христианства. Вчитываясь внимательно в приведенный текст, мы обнаруживаем в нем слова, которыми и объясняется причина антихристианских выпадов Розанова: "Это - система мысли". Т.е. Розанов выступал против христианства потому, что оно представлялось ему не живым, растущим, находящимся в движении организмом (хотя мы знаем, что он утверждал относительно его и совершенно противоположное), а мертвой, рассудочной конструкцией, теорией, идеологией. Розанов постоянно твердит об этом в последних своих сочинениях. В частности, в "Апокалипсисе нашего времени" он писал: "...пожалуй, тайный ноумен Евангелия и всякого "дела евангельского" и лежал в перемене - музыки молитвы на "cogito ergo sum" богословия".

И еще - в письме к тому же Голлербаху: "Иногда мне кажется (или казалось), что никакого Христа не было, а есть рассказ о Христе, - рассказ, убивающий фалл".

Так против кого же с таким ожесточением ополчается Розанов? Против Христа, в реальности существования Которого, по его собственным словам, он даже не был уверен, или против другой, вполне реальной силы, ставшей "на место" Христа, натянувшей на себя личину, "систему мыслей" Христа?

"Рассказ, убивающий фалл", "система мыслей", противостоящая жизни, идеология, подменяющая религиозное чувство - во всем этом действительно ощущается присутствие не Христа, а Его апокалиптического двойника. По-видимому, Розанову в какой-то момент действительно казалось, что он абсолютно тождественен со Христом. (В самых последних своих сочинениях Розанов почти и называет Христа "антихристом", "сатаной"). Но если в его представлении не существовало различия между подлинником и омерзительной карикатурой, то неужели для него было бы возможно такое органическое и горячее обращение в конце жизни ("Его последние дни были сплошным гимном Христу", - писал Голлербах). Да и едва ли мог ошибиться Флоренский бывший свидетелем этого обращения и несколько не усомнившийся в его искренности.

Скорее можно предположить другое: Христос вживил свою "ниточку" в слишком сокровенную глубину розановского сердца, настолько естественно слился с его судьбой, что Розанов просто не мог вынести его взглядом. Розанов не видел Христа не потому, что Он был далек, а потому, что Он был слишком приближен. Именно поэтому Розанов всю жизнь говорил только о том, что "около Христа" (почти не мог говорить ни о чем другом), но, в сущности, ничего о Христе так и не сказал. Очень интересна в этом отношении его работа "Иисус сладчайший и горькие плоды мира". В ней Розанов с огромной любовью и обстоятельностью говорит о мире, который "тонет около Христа", но практически ничего не говорит о самом Христе. В то же время мы не можем не почувствовать, что он любит Христа и, может быть, сам мир ценит лишь за его прикосновение к Нему. Но ракурс восприятия таков, что на месте Христа в глазах Розанова образуется "слепое пятно". Стоит отметить, что точно также Розанов "проглядел" и Церковь. Он видел и любил в ней только пограничное с миром, "околоцерковное": теплоту, уют, красоту обряда, телесную красоту, но не почувствовал в ней мистического Тела Христова.

Все то, что прямо говорилось Розановым о Христе и о Церкви вплоть до хулы на них было лишь гурнивым бормотанием продивого, несравненно большей немоты, чем абсолютное молчание. В этом Розанов вплотную смыкается с другим нашим самобытнейшим философом Л. Шестовым, о котором прекрасно пишет в статье "Большой молчалиник" В. Зелинский: "И не для того ли Бог посылает нам иногда "мытарей веры", бедняков веры, — немых и продивых, призванных не учить, не проповедывать, не "исполнять", не воплотить собою это непостижимое, не разгадываемое и им самим, мытарем, самораспятие истины? /.../ Не посылает ли Он испытание некоторым избранникам — как некогда посылал их Иову, — в том числе испытание "незнания", разделенности, немоты? Философия Шестова... есть отречение от мудрости человеческой усилиями той же мудрости — ради "безумия перед Господом". И это вовсе не поэтическое безумие: душа, выброшенная за нормальные пределы, никогда не может отделаться от безумного страха, что бы там ни передавали об экстаических восторгах". И вправду: вывернутая наизнанку логика, причудливые жесты, односложная, упрямо повторяющаяся речь, непонятные восторги, нелепые страхи. Но это хрестовство вокруг тайны Божией, вокруг последней неразга-

данности Бога, вокруг имени Бога, а, стало быть, и "Христа ради". Здесь почти все приложено к Розанову, с той только поправкой, что в нем мы видим гораздо более отчетливое воплощение "феномена Иова". Розанов был подвергнут не "испытанию незнания", а испытанию ренета на Бога.

А то, что это было действительно испытанием, мы можем заключить из признания самого Розанова, вырвавшегося у него в "Уединенном": "... всю жизнь посвятил на разрушение того, что одно в мире любил: была ли у кого печальнее судьба". Это уже крик боли, не оставляющий места двусмысленности. Да, страшно стать орудием в руках Бога живого, страшно быть распятым на кресте любви-ненависти, как бы вторя крестной муке Любимого. Что может быть тяжелее такой жертвы-проповеди? И может быть, за эту скорбь многое простится Розанову.

Конечно, даже только устами произнесенная хула на Сына Человеческого — великий грех. Но велика и искупительная сила покаяния, и милость Божия к грешнику. А главное, кто знает, какими путями ведет нас Бог ко спасению? "Мои мысли, не ваши мысли, не ваши пути — пути Мои; но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших и мысли Мои выше мыслей ваших" (Исайя 55, 8-9).